Научная статья

УДК 1(091), 1(075)

doi: 10.17223/1998863X/68/4

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ РЕЛЯТИВИЗМА В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Сергей Витальевич Никоненко

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
serg_nikonenko@rambler.ru*

Аннотация. Исследуются основания исторического релятивизма, предпосылки которого заложены в критике идеи всеобщей истории и универсальных методов исторического исследования. В историческом релятивизме происходит отказ от идеи дескрипции в пользу идеи репрезентации и постулируется множественность интерпретаций. Исторический нарратив понимается как «рассказ». Исторический релятивизм подвергается критике с позиций умеренного плюрализма интерпретаций.

Ключевые слова: релятивизм, история, аналитическая философия, нарратив, дискурс

Благодарности: проект РНФ № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»

Для цитирования: Никоненко С.В. К вопросу о дискурсивном характере исторического языка: исследование оснований релятивизма в аналитической философии истории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 35–44. doi: 10.17223/1998863X/68/4

Original article

ON DISCURSIVE CHARACTER OF HISTORICAL LANGUAGE: THE INVESTIGATION OF THE BACKGROUNDS OF RELATIVISM IN ANALYTICAL PHILOSOPHY OF HISTORY

Sergei V. Nikonenko

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
serg_nikonenko@rambler.ru*

Abstract. The subject of the article is the study of the foundations of historical relativism that arose during the “linguistic turn” in analytical philosophy. The aim is to try critically analyze three theoretical propositions:

1. The prerequisites of historical relativism are already laid down in early analytical philosophy, in the criticism of the idea of universal history and universal methods of historical research;
2. There is a rejection of the idea of description in favor of the idea of representation, and, as a result, a plurality of interpretations is postulated;
3. The main theoretical achievement of historical relativism is the understanding of the historical narrative as a “story”. A new discursive understanding of the language of historians is emerging in the analytical tradition.

According to judgments of supporters of historical pluralism in analytical philosophy, there is a certain ontology of history, the essence of which boils down to the assumption of an ineradicable diversity of communities, epochs and cultural formations in the history of mankind. The following distinction can be proposed: unlike supporters of pluralism,

historical relativists introduce into history the idea of the randomness of socio-cultural phenomena, which entails an apology for the multiplicity of interpretations. The historical world turns out to be random through the prism of a certain historical language devoid of essentialist patterns. The pluralism of interpretations corresponds to the random multiplicity of historical formations. The criteria for the truth and persuasiveness of the historical interpretation no longer relate to the objectivity of the described event, but to the plausibility of the proposed narrative. An increase in the number of historical interpretations will not give tangible progress in the study. The pluralistic position seems to be more constructive, since, avoiding universalism, it does not exaggerate the fabrication of interpretations. Relativism turns out to be a paradigm, not a theoretical attitude; it is a metaphysical position. If we present history in the form of stories, then this entails the transformation of the subject of history itself. The historian seeks not to recreate, but to organize the past in a discursive form within the framework of historical relativists. The object of history is thereby transformed: history is not a description of events in the past, but the construction of a discourse about historical experience.

Keywords: relativism, history, analytical philosophy, narrative, discourse

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 21-18-00174

For citation: Nikonenko, S.V. (2022) On discursive character of historical language: the investigation of the backgrounds of relativism in analytical philosophy of history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 35–44. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/4

Критика «субстантивистской» философии истории

Существует распространенное мнение, что исторический релятивизм возникает и формируется, начиная с 1960-х гг., под влиянием витгенштейнианских и неопрагматистских идей. Мы тоже придерживаемся этой точки зрения, но хотим ее несколько расширить. По нашему мнению, в аналитической философии с самого начала ее существования в «латентной» форме присутствовал если не релятивизм, то плюрализм и «антисубстантивизм» в отношении как идеи всеобщей истории, так и возможности объективного исторического описания. К примеру, Б. Рассел пишет: «Я думаю, ход истории подчинен законам и, возможно, для достаточно мудрого человека предопределен, но нет того, кто мудр достаточно. Ход истории слишком сложен, чтобы мы могли его просчитать; и человек, утверждающий, что сделал это, – шарлатан» [8. С. 117]. Ранний Рассел считает, что, если и возможно объективное историческое описание, оно может быть отнесено к анализу конкретных событий, очевидно наблюдаемых явлений, социальных, которые можно так или иначе задокументировать и подтвердить. Идею же всеобщей истории Рассел расценивает как теоретически бесперспективную. Можно предположить, что философ запрещает нам выстраивать эссенциалистские паттерны относительно прошлого. Тем самым, дескриптивизм в истории возможен и является верной теоретической стратегией против универсализма.

Для аналитической философии истории также характерна критика «перспективизма», или описания прошлого, с позиции, согласно которой причины прошлого оказываются следствиями настоящего. А. Данто «разворачивает» этот аргумент, выдвигая с позиции «непосредственного участника» исторического события. К примеру, работая с суждением «Петрарка дает начало Ренессансу», Данто отмечает: «*Не существует* опыта, верифицирующего данное предложение, если под верификацией мы подразумеваем пережива-

ние в опыте того, что описывается данным предложением» [5. С. 66]. Критика универсализма и субстантивизма в истории разворачивается в предположении, что история не может быть написана с позиций долженствования и детерминизма, «пролонгированного» из настоящего в будущее. Поэтому правильно было бы утверждать не то, что Петрарка дал начало Ренессансу, а то, что своей деятельностью и взглядами Петрарка создал некоторые условия в области литературы, культуры, философии, вызвавшие некоторые трансформации средневекового мирозерцания. Но даже такое предположение следует принимать осторожно; ведь вполне возможно выстраивание альтернативного концептуального ряда. К примеру, подавляющее большинство историков относят Боккаччо к представителям Возрождения; однако вполне допустим и нарратив отнесения итальянского писателя к представителям Средневековья (тем более учитывая прозвище писателя: «средневековый»). Тем самым, историк оказывается бессильным рассмотреть исторические события в том виде, «как они на самом деле происходили», а также придать историческим событиям строгие детерминации.

Как мы полагаем, в суждениях сторонников исторического плюрализма в аналитической философии присутствует определенная «онтология» истории, суть которой сводится к предположению о неискоренимом разнообразии сообществ, эпох и культурных образований в истории человечества. Основоположником этой точки зрения можно считать А.Н. Уайтхеда, хотя подобные суждения можно обнаружить у Рассела, Мура, Александра и других ранних аналитиков. Уайтхед пишет: «Опасна проповедь единообразия. Различия между нациями и расами необходимы человечеству для того, чтобы сохранить условия, при которых возможно успешное развитие <...> Разнообразие среди человеческих сообществ необходимо для возникновения побудительных мотивов и материальных условий для Одиссеи человеческого духа» [12. С. 270]. Уайтхед учит о том, что «приключения идей» приводят к тому, что понятия, столь сильно окрашиваемые в цвета эпохи, приобретают коннотации, свойственные исключительно этой эпохе. Это и по сей день вдохновляет многочисленные «микроисторические» проекты.

За плюралистической риторикой стоит явно выраженная плюралистическая онтология истории. Наиболее откровенно ее аргументирует К. Поппер, который пишет: «Единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них – история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории <...> Реальной историей человечества, если бы таковая была, должна была бы быть история всех людей, а значит, история всех человеческих надежд, борений и страданий, ибо ни один человек не более значим, чем любой другой. Ясно, что такая реальная история не может быть написана» [7. С. 312]. С нашей точки зрения, присутствуют явные теоретические затруднения даже в приложении одного и того же исторического концепта к постепенно изменяющейся реальности. Возьмем понятие «Римская империя». Оно обозначает юридически одно и то же государство, которое просуществовало с 27 г. до н. э. до 476 г. (или до 1453 г., как считают некоторые историки, рассматривающие Византию как государство – преемника Римской империи). Трудности начинают возникать, когда мы покидаем это юридическое определение. Вполне логичным оказывается теоретическая стратегия выделения

исторических периодов и царствований (династий), в рамках которых юридически одна и та же Римская империя фактически оказывается весьма разными государствами. Подход сторонников плюрализма как раз и заключается в элиминации или ослаблении «охватывающих» понятий, придании им «матричного», дискурсивного, а не «сущностного» характера. В историческом исследовании необходимы, но далеко не всегда оправданы обобщающие труды с условным названием «Римская армия»; гораздо перспективнее более конкретные исследования с условными названиями: «Боевой порядок римской армии», «Устройство военных лагерей в Древнем Риме», «Жизнь и быт римских легионеров» и т.п. Причины упадка всеобщих исторических исследований мы и обсудим в следующем разделе.

Интерпретативный характер исторического описания: история как репрезентация

Не так легко усмотреть грань, которая разделяет плюрализм и релятивизм в историческом исследовании вследствие значительной общности этих позиций. Можно предложить следующее определение: в отличие от сторонников плюрализма, исторические релятивисты вносят в историю идею случайности социокультурных явлений, что влечет за собой апологию множественности интерпретаций. Плюралисты констатируют гибель идеи всеобщей истории с бесстрастным сожалением и весьма скупы в допущении альтернативных точек зрения, тогда как релятивисты возводят размножение толкований на пьедестал.

Предпосылки исторического релятивизма присутствуют у ранних аналитиков. Собственно, идея случайности в истории вовсе не рортиевская, а раселианская. «Мы не можем проигнорировать ту роль, которую играет так называемая случайность, иначе говоря, обычные обстоятельства, которые могут породить большие следствия. Великая война была вызвана многими причинами, но не неизбежными причинами», – пишет Рассел [14. Р. 7]. Схожей точки зрения придерживается и Л. Витгенштейн, который подмечает: «Думая о будущем мира, мы всегда предполагаем, где он окажется, если будет двигаться в том же направлении, в каком, по нашему разумению, движется сейчас. О том же, что мир движется не по прямой, а по кривой, направление которой постоянно меняется, мы не думаем» [4. С. 414]. Для наглядности давайте сравним два только что приведенных суждения с высказыванием М. Оукшотта, причисленного к классикам исторического релятивизма. Он пишет: «Однако „историческое“ прошлое носит иной характер. Это сложный, трудный для понимания мир, мир без единства чувств и ясного сюжета: в нем события не имеют единого образца и замысла <...> Это мир, целиком состоящий из случайностей <...> Это картина, вычерченная во множестве разных измерений» [6. С. 152]. Текстологическое сопоставление, с нашей точки зрения, позволяет допустить, что суждение Оукшотта имеет разве что риторические отличия; оно высказано догматическим, а не скептическим тоном. Но по своей сути мы видим последовательно выраженную индетерминистскую позицию, в рамках которой роль значимости исторической непредсказуемости и случайности резко возрастает.

Положение об исторической случайности, по-видимому, все меньше и меньше относится к самой реальности исторических событий и все больше и

больше становится предустановкой языкового дискурса. Исторический мир «оказывается» случайным сквозь призму определенного исторического языка, лишённого эссенциалистских паттернов. В этом контексте Рорти лишь подытоживает индетерминистскую логику аналитического исторического релятивизма, когда пишет о большинстве современных теоретиков истории: «Такие авторы говорят нам, что вопрос „Что значит быть человеком?“ должен быть заменен на вопросы типа „Что значит жить в богатом демократическом обществе XX в.?“ и „Как может член такого общества быть чем-то более, чем просто исполнителем роли, разыгрываемой по заранее написанному сценарию?“ Этот историцистский поворот помог нам освободиться, постепенно, но основательно, от теологии и метафизики – от искушения искать избавления от времени и случая» [9. С. 17]. Тем самым, в историческом релятивизме идея случайности может быть отнесена онтологически ко всей истории, но лингвистически – лишь ко всеобщей истории, к «макроистории». На уровне «микроистории» язык исторических описаний может допускать значительное количество предположений, верифицирующих, детерминирующих или оправдывающих те или иные события. Правда, за пределами дескрипции власть подобных детерминаций исчезает.

В такой философии истории множественность интерпретаций является a priori установленной позицией. Плюрализм интерпретаций соответствует случайной множественности исторических образований. Как отмечает Рорти, «целью становится не Единственно Верное Описание, а расширение репертуара альтернативных описаний» [9. С. 67]. Релятивистское содержание данной точки зрения заключается, по-видимому, не в плюрализме самом по себе, а в предписании порождать такой плюрализм во что бы то ни стало. Получается, что чем больше интерпретаций исторических событий мы сможем предложить, тем «лучше», «объективнее» и «более разносторонне» будут освещены эти события. С нашей точки зрения, такие идеи обрисовывают свойственную лингвистическому релятивизму теоретическую модель, согласно которой критерии истинности и убедительности исторической интерпретации относятся уже не к объективности описываемого события, а к правдоподобности предложенного нарратива.

Подобная теоретическая модель может быть уязвима на уровне практики исторического исследования. При изучении того или иного конкретного раздела (например «упадка греческих полисов», «появления мануфактур», «возникновения движения эмансипации» и т.п.) набор точек зрения далеко не столь многочисленный, как полагают сторонники релятивизма. Как правило, в конкретно взятый момент развития исторической науки число альтернативных точек зрения редко превышает число пять; обычно же ведется теоретический спор между двумя-тремя интерпретациями. Ограничение интерпретаций, происходящее не намеренно, а естественным путем, представляется более здоровой позицией, нежели требуемое релятивистами «размножение» гипотез. Но Ф.Р. Анкерсмит судит иначе: «Интерпретативный способ наблюдения прошлого может быть признан как таковой только при наличии *других* путей наблюдения прошлого <...> Следовательно, максимум ясности в историографии может быть получен только благодаря *быстрому увеличению количества исторических интерпретаций*, а не в результате попыток уменьшить их число» [1. С. 174]. Полагаем, что увеличение количества исторических

интерпретаций не даст ощутимого прогресса в исследовании. Плюралистическая позиция представляется более конструктивной, поскольку, избегая универсализма, она не муслирует фабрикацию интерпретаций там, где в этом нет необходимости. Сам по себе императив Анкерсмита о множественности интерпретаций оказывается догматической позицией.

Сторонники исторического релятивизма по-новому ставят проблему субъекта исторического описания. Они уходят от предположения, что конкурирующие между собой историки мыслят в рамках одних и тех же концептуальных установок. «Ведь истина в том, что нет никакого определенного лица, спрятанного за различными масками каждого рассказчика истории, будь он историк, поэт, романист или создатель мифов», – пишет П. Мунц [13. Р. 16]. Проясним эту точку зрения. Допустим, есть историки А, В и С, интерпретирующие одно и то же событие. По Мунцу, неверно считать, что эти историки исходят из одних и тех же теоретических установок. Нет универсального субъекта наподобие абсолютного духа, к которому могут быть отнесены все «рассказчики». Складывается ситуация постмодернистского эклектизма, проявляющаяся на категориальном уровне. Ситуация усугубляется тем, что историки А, В и С вовсе не судят в единой теоретической плоскости. Что это означает? Например, историки А и В судят по поводу категории Х. Но в мировоззрении историка С эта категория не является существенной; он ее игнорирует, а судит о другой категории Y. Несложно догадаться, что возникает разнообразный спектр возможных интерпретаций внутри дискурса.

В релятивистском фаллибилизме присутствует нарочитая цель: разгром любой формы историзма, выведенной с универсальных точек зрения. Взамен в качестве императива постулируется множественность конкурирующих интерпретаций. Х. Уайт описывает эту множественность так: «Не существует аподиктически определенных теоретических оснований, опираясь на которые можно было бы обоснованно вынести суждение о превосходстве одной из этих форм над другими как более «реалистической»; как следствие этого, мы обязаны выбирать между конкурирующими интерпретативными стратегиями при любой попытке рефлексии над историей-в-целом; как вывод из этого, наилучшие основания для предпочтения одного видения истории другому являются эстетические и моральные, нежели эпистемологические» [11. С. 20]. Правда, при таком мнении всегда следует держать в уме иронию Дж. Тоша, который подмечает: «Как это часто случалось в прошлом, непримиримые критики исторической науки часто воюют с ветряными мельницами. Историки всегда отличались способностью воспринимать некоторые аргументы критиков „правдивости“ своей дисциплины. Они далеко не так привержены единому историческому субъекту, как предполагают некоторые критики» [10. С. 176]. Ирония Тоша, пожалуй, относится к императиву Уайта об «обязанности» выбора между альтернативами.

Сделаем вывод: интерпретативный характер описаний в рамках исторического релятивизма становится неотъемлемым условием, которое не вырабатывается в процессе исследования, а априорно предпосылается ему. Релятивизм оказывается «парадигмальной», а не теоретической установкой; это метафизическая позиция, никак не вытекающая из логики конкретно-исторического исследования, а предпосланная ему.

История и дискурс: понятие «рассказ» как сущность исторического релятивизма

Выше мы установили, что с позиций исторического релятивизма на первый план выходит создание многочисленных исторических интерпретаций. Здесь же мы затронем вопрос о том, как с таких позиций оформляется историческая концепция, в каком виде она существует.

Прежде всего следует понять, что в рамках исторического релятивизма итоговый результат уже не представлен в форме «теории». На первый план выходит лингвистическая составляющая, когда исторический нарратив приобретает черты связного повествования с определенной точки зрения. «Спрашивать о значении некоего события в *историческом* смысле этого термина – значит ставить вопрос, на который можно ответить только в контексте *завершенного рассказа*», – пишет А. Данто [5. С. 20]. Термин «story» означает не просто рассказ наподобие литературного произведения или преподнесенной частной истории. Мы выделяем две существенных черты представления истории в форме рассказа:

1. Первично лингвистическое содержание. Исторический рассказ не должен пониматься как «концептуальное» построение.

2. Холистическая точка зрения; рассказ обладает завершенным в себе контекстом.

Исторические повествования становятся индивидуальностями; дискурсивность их проявляется в том, что для их понимания нужно быть готовым разделять установки языка, на котором они сформулированы. Оригинальность здесь становится императивом; каждый новый рассказ интересен, прежде всего, тем, что не содержится в предыдущих рассказах. «Невозможно сопоставить историческую репрезентацию прошлого, данного в тексте как целом, с исторической реальностью, как мы поступаем в случае суждения. Вместо этого мы должны понимать исторический текст как замещение, данное нам здесь и сейчас, отсутствующего прошлого. Вместо объективной, публично доступной и воспринимаемой исторической реальности, которая дана историкам, когда они говорят о прошлом и обсуждают его, у нас есть исторические репрезентации, предложенные историками в качестве ее замещений», – пишет Анкерсмит [3. С. 372]. Такая позиция, как нам кажется, содержит в себе одно преувеличение. В самом деле, Римская империя для историка вряд ли является «установленным объектом». Скорее, это общепринятый концепт, равно как и общий исторический дискурс. Получается, что Анкерсмит излишне поспешно отбрасывает стремление историка описать, если не то, как события происходили на самом деле, то то, как эти события имели место вне зависимости от любых интерпретаций в будущем. Дискурсивный и ценностный характер исторических фактов, как мы полагаем, еще не гарантирует, что подобные факты могут стать репрезентациями, а не отражениями объективного положения дел.

Если представлять историю в форме рассказов, то это влечет за собой трансформацию самого предмета истории. Это отмечает Дж. Тош: «В своей крайней форме история культуры – и особенно „лингвистический поворот“ – очевидно, во многом подрывает традиционные основы исторической науки. Возникла совершенно новая идея, что репрезентация – это единственно воз-

можная область исторического исследования» [10. С. 259]. Тош совершенно оправданно связывает между собой идеи лингвистического поворота и воображения. Ведь именно воображение является в рамках культуры по преимуществу языковым феноменом. А репрезентации, в свою очередь, освободившись от верификационных критериев, приобретают автономность.

Именно поэтому в рамках учения исторических релятивистов историк стремится не к воссозданию, а к организации прошлого в дискурсивной форме. Используя категорию Д. Дэвидсона, первостепенной оказывается не содержание, а концептуальная схема. Только эта схема уже оказывается не «концептуальной», а нарративистской, символической. Репрезентации задают наше восприятие прошлого. В самом деле, процессы над ведьмами актуальны для средневекового общества, но вряд ли для нашего общества. В свою очередь, проблемы ядерного разоружения актуальны для нас, но ничего не значат для средневековых людей. Тут, правда, скрывается утонченная софистика: репрезентация «перетягивает» на себя в том числе и не-дискурсивные элементы (к примеру, любые бесспорно зафиксированные действия). Битвы, коронации, эпидемии, учредительные акты трансформируются из «событий» в «символы», т.е. тоже воспринимаются как часть репрезентации. Нам представляется явно преувеличенным могущество «интеллектуального историка», а представление событий в форме репрезентаций малоконструктивно. Вместе с тем совершенно очевидна логика исторических релятивистов: они не хотят оставлять «в тылу» своих нарративов не подконтрольные дискурсу исторические факты; они стремятся уйти от реалистической схемы разделения на факты и описания. «Историк использует такие понятия, как „интеллектуальное движение“, „Ренессанс“, „социальная группа“ или „промышленная революция“ для того, чтобы „одеть прошлое“. Прошлое показывается при помощи таких сущностей, которые не составляют части самого прошлого», – пишет Ф. Анкерсмит [2. С. 130]. Только оказывается, что одеяния прошлого некритично выдаются за само прошлое. Здесь Анкерсмит выступает с предельно откровенной антиобъективистской позицией. Он отмечает, что «прошлое» не является реальным объектом, каким оно было для историзма. Объект истории, тем самым, трансформируется: *история – не описание событий в прошлом, а конструирование дискурса по поводу опыта о событиях в прошлом.*

Ведущие сторонники исторического релятивизма зачастую видят определенные проблемы, возникающие в связи с релятивизмом в дискурсивном характере языка историков. Они пытаются убедить нас в том, что речь идет не просто о «рассказах», а об изначальной слитности, неразличимости события и его языкового или опытного представления. Как однажды выразился Х. Патнэм, любые наши данные изначальны концептуально инфицированы. Само историческое событие оказывается неотделенным от его репрезентации. Поэтому мы готовы признать, что идея метафорического слияния предмета и описания, отказа от мышления в форме исторического дескриптивизма является продуктивной теоретической стратегией. Правда, с одной оговоркой: если при этом отказаться от исторического релятивизма. Иначе нам станет трудно найти какой-либо определенный смысл истории. Элементы в рамках исторического нарратива могут оказаться представленными столь разнообразными способами, что вряд ли окажется возможным сохранить теоретический контроль над нарративом.

Список источников

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. : Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М. : Изд. дом Высш. школы экономики, 2014. 432 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
5. Данто А. Аналитическая философия истории. М. : Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Оукиотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М. : Идея-Пресс, 2002. 288 с.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс ; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 528 с.
8. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев : Port-Royal, 1996. 368 с.
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М. : Рус. феноменол. о-во, 1996. 282 с.
10. Тои Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М. : Весь мир, 2000. 296 с.
11. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
12. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.
13. Munz P. The Shapes of Time. Middletone : Wesleyan University Press, 1978.
14. Russell B. Freedom and Organization. 1814–1914. London : George Allen and Unwin, 1934.

References

1. Ankersmit, F.R. (2003a) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
2. Ankersmit, F.R. (2003b) *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian's Language]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
3. Ankersmit, F.R. (2014) *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Translated from English. Moscow: HSE.
4. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. I. Moscow: Gnozis.
5. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press.
6. Oakeshott, M. (2002) *Ratsionalizm v politike i drugie stat'i* [Rationalism in Politics and Other Essays]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
7. Popper, K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa."
8. Russell, B. (1996) *Filosofskiy slovar' razuma, materii i morali* [Dictionary of Mind, Matter, Morals]. Translated from English. Kyiv: Port-Royal.
9. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity]. Translated from English. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
10. Tosh, J. (2000) *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The Pursuit of History. Aims, Methods and New Direction in the Study of Modern History]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
11. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory. The Historical Imagination in the 19th Century]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Collected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
13. Munz, C. (1978) *The Shapes of Time*. Middletone: Wesleyan University Press.
14. Russell, B. (1934) *Freedom and Organization. 1814–1914*. London: George Allen and Unwin.

Сведения об авторе:

Никоненко С.В. – профессор, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: serg_nikonenko@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikonenko S.V. – Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: serg_nikonenko@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 15.06.2022;
approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication 26.08.2022*